

Народная песня в творчестве Жигулина

Не каждому художнику удастся добиться высшего признания - не похвал критиков и литературоведов, не популярности в литературных кругах, а народного признания, когда практически стирается грань авторства, и произведения срастаются с народной культурой. Творчество этих художников не изысканная стилизация под фольклорное творчество, а истинное и искреннее выражение национально-го духа и менталитета.

И.Гердер, введший в научный обиход понятие «народность литературы», утверждал, что наиболее совершенным выражением поэтического сознания общества является песня, которая может служить образцом подлинной народности для поэта. В то же время и в фольклор из письменной культуры входят по большей части произведения, подразумевающие музыкальную основу. Составляя антологию фольклорных песен, Гердер включил в него и некоторые песни из драм Шекспира, почитавшиеся им как традиционные. В русский народный песенный репертуар включаются многие произведения литературного происхождения: «Ревела буря, дождь шумел» на слова стихотворения К.Ф.Рылеева «Смерть Ермака», «Сижую в темнице, темнице темной» на слова стихотворения А.С.Пушкина «Узник», «Под горою за рекой» на слова баллады А.В.Кольцова «Хуторок», «Из-за острова на стрежень» на слова стихотворения Д.Н.Садовникова «Песня» и многие другие (10, 271-272).

В XIX - XX веках, с развитием индустриального общества, значительно увеличивается количество жителей городов, и формируется особый раздел устного народного творчества, для которого было характерным влияние книжной поэзии, - «городской фольклор».

Песенная городская культура была живо воспринята А.Жигулиным. Истоки его привязанности к песне лежат в самом раннем детстве. 30-е годы – время, когда музыка доносилась отовсюду. Новые «советские песни» сопровождали людей в их трудовые будни и праздники, с танцплощадок доносились звуки иностранных фокстротов, а во дворах домов слышались любимые народом «жестокые» романсы, которые еще не забыты и в начале XXI века. «Ах мама, мама! Как ты пела, мама!/ Тебя уж нет, но голос твой – во мне», - напишет Жигулин в 1998 г.

В той песне было много боли.
 Про черный омут, вербы, тростники.
 Про васильки, которые для Лели
 Вы собирали в поле у реки (2, 211)

Эта песня – фольклорный вариант стихотворения А.Н.Апухтина «Сумасшедший», широко распространенная в городском репертуаре. «Часть стихотворения – знаменитый романс «Ах, васильки, васильки...», который часто исполнялся в начале века; встречается он и по сей день как в деревенской, так и в городской традиции» (1, 355).

Творческий путь А.Жигулина также начинается с обращения к городской песне, практически берет начало в народной городской культуре: «...стихи я начал писать летом 45-го года. Это было «продолжение» известной в то время в мальчишеском мире песни:

В Кейптаунском порту

С какао на борту

«Жанетта» оправляла такелаж...» (2, 252)

Таким образом, взаимодействие поэта с песнями и культурой города начинается с самых первых творческих шагов, что не удивительно, так как город был жизненным пространством поэта. Классическая поэзия, с которой А.Жигулина в раннем детстве познакомил его мать, Е.М.Раевская, и песенное творчество в ценностной системе поэта занимают равноправное положение. В эти годы формируется уважительное отношение к произведениям народного творчества, выражающим особенности национального эстетического мировосприятия.

Между тем, в XX веке, в связи с глобальными изменениями в структуре российской общественной жизни, понятие национального в фольклоре претерпевает существенные изменения. Народное творчество разделяется на фольклор различных социальных групп (в настоящее время говорят о фольклоре детей, студенчества, участников региональных войн и т.п.). В лагерях среди заключенных возник фольклор ГУЛАГа, которому была посвящена научная конференция в Санкт-Петербурге в 1992 г. (8, 357).

Знакомство А. Жигулина с тюремным фольклором состоялось в годы колымского срока. Невольно оказавшись в новой социальной и культурной среде, А.Жигулин жадно впитывает в себя все до сих пор ему не известное. Не оставляет его равнодушным и тюремнокаторжная культура, которая помогает автору принять незнакомую реальность и адаптироваться к ней через традицию. Он собирает словарь лагерной и блатной фени: «Сколько слов, каких ни у Даля и нигде не найдешь!», - с восторгом замечал Жигулин (2, 238). В этом словаре, который изъяли при освобождении поэта, были, как поясняет автор, не просто сухие «переводы» слов, но и статьи с примерами из «классики» – чаще всего из лагерных песен, анекдотов, шуток и из разговорной речи с вариантами значений (2, 238).

Отдавая должное широте интересов А.Жигулина, стоит отметить, что самое пристальное внимание А.Жигулина неизменно приковано к песенной культуре, в данном случае - лагерной песне, самому эмоциональному жанру фольклора. За годы, проведенные на Колыме, А.Жигулин стал истинным ценителем и знатоком тюремной песни. Без тени сомнения можно сказать, что ему был известен весь лагерный репертуар. Описывая свое возвращение в Воронеж, автор сообщает, что вместе с ним в столыпинском вагоне ехал «старый жулик» и, чтобы скоротать время, он пел. «Все песни были знакомы», - подводит итог Жигулин (2, 495).

«Черные камни» органично включают в себя огромное количество лагерной песенной лирики, часто А.Жигулин не просто упоминает какое-либо произведение, а с должным уважением и эстетическим наслаждением приводит его текст полностью. На страницах «Черных камней» встречаются тексты песен «На железный засов ворота заперты,/ где преступники срок отбывают...» (2, 367), «Цыганка с картами/ Дорога дальняя...» (2, 371), «Мы ехали долго и скоро./ Вдруг поезд, как вкопанный, стал...» (2, 375), «Здравствуй, мама, сын вернулся твой...» (2,489), «Я живу близ Охотского моря...» (2, 493) и предмет гордости писателя - канонический текст песни «Ваннинский порт», «одной из самых сильных и выразительных тюремно-каторжных песен», как поясняет А.Жигулин (2, 427). Этому произведению у Жигулина посвящено стихотворение «Песня»:

В шахтерском клубе было тесно.
И над рядами, в тишине,
Плыла,
Металась,
Билась песня,
Как чайка от волны к волне (6, 105)

Лагерные песни – это художественный и исторический документ эпохи. На страницах «Черных камней» они выполняют двойную функцию. Их тексты апеллируют к типичной для первой половины XX века судьбе русского человека. С помощью цитирования песен А.Жигулин достигает эффекта причастности собственной биографии к истории своего народа. Одновременно, в авторских строках, соседствующих с источниками, поэт обозначает и особенности своего пути через лагеря. «Все было у нас как в старинной песне. Не было только свиданий. Да и жен не было» (2, 371). Жигулин как бы примеряет фольклорные тексты к своей жизни, ищет личное переживание и выражение своей трагедии в традиционной культуре.

У А.Жигулина за песней всегда стоит человек и его история. Зачастую песня связывается автором с каким-либо конкретным человеком – память хранит особенности исполнения определенной песни этим лицом и собственное эмоциональное восприятие. Образ

«поющего человека» один из самых постоянных в произведениях, посвященных колымским годам. Не случайно все песни глубоко трагичны по своему пафосу, как трагична судьба каждого, кто попал в сталинские застенки.

А.Жигулин подчеркивал объединяющее значение песни (и в частности, лагерной): исполнители в общей мелодии становятся единым целым, они чувствуют рядом поддерживающее плечо товарища, «а при таком соединении, при такой дружбе и братстве ничего не страшно» (2, 516).

Лагерная песня вошла и в реальную жизнь автора. А.Жигулин очень любил и часто исполнял «Ванинский порт»: «Казалось, пели его удивительные глаза, его согбенная спина сахалинского каторжника, описанного еще Чеховым», - вспоминает Е.Евтушенко (2, 674). Эстетический и душевный эффект от исполнения был огромен: «Когда он своим хриловатым, громким и совсем не музыкальным голосом выводил «будь проклята ты, Колыма», люди вставали и пели эту песню вместе с ним, как гимн» (2, 677).

Лирика А.Жигулина воспринимает из городского и лагерного фольклора синкретизм народного искусства и в частности единство текста и мелодического оформления. Слово Жигулина практически всегда предполагает музыку, оно музыкально в своей основе. По поводу своего творчества Жигулин писал: «Я вдруг обнаружил, что на многие мои лирические стихи существует во мне же определенная для каждого стихотворения моя собственная мелодия. Я обнаружил, что многие свои стихи я могу петь – как песни или романсы» (3, 425). Иногда А.Жигулин дает своим стихотворениям «музыкальные» названия, подчеркивая наличие мелодии в их структуре: «Романс», «Летящие дни (Песня)», «Колымская песня». Композитор Б.Зайчиков создал вокально-симфонический цикл на стихи Жигулина: «Утиные дворики», «Ржавые елки», «Голубеет осеннее поле...» и «Гулко эхо от ранних шагов». По поводу этого цикла Ю.Клусон заметил: «Музыкальная драматургия сочинения достаточно ясна, его язык – чистый, русский, идущий от говора, причитания, наигрыша» (9, 3).

Некоторые свои стихотворения Жигулин пел без музыкального сопровождения на творческих вечерах: «Даль и душа прояснились», «Я поеду один к тем заснеженным скалам» и другие.

В наше время песни на стихотворения Жигулина исполняют Шуфутинский и Кемеровский. «Но они поют иначе, дешевят, - замечает Жигулин, - как будто я писал блатные песни. Но я то в те стихи вкладывал другой смысл, они передают личную трагедию, трагедию народа» (7, 6).

Учитывая узконаправленную специфику данных исполнителей, можно согласиться, что стихотворения в чем-то проигрывают, но здесь важно учесть и важность действия своеобразного социального заказа – значит, творчество Жигулина востребовано целой социальной группой со своей историей и культурной традицией, берущей начало в царских тюрьмах и лагерях ГУЛАГа. Таким образом, произведения Жигулина входят в целый пласт народной культуры. Причастность произведений Жигулина к лагерному фольклору отнюдь не бросает тень на автора, так как его лирика – это целый этап биографии, которым автор может гордиться, это этап истории всей страны, а использование его лирики в массовой культуре лишний раз подтверждает жизненную необходимость его искусства.

Несомненно, что, кроме глубокого личного впечатления, лагерная песенная культура оказала большое влияние на раннее творчество А.Жигулина. Прежде всего, от тюремных песен и городского романса А.Жигулин воспринял часто отмечаемую в его творчестве эпичность, событийность. Поэтическое отображение жизни заключенных – основа «колымского» цикла. Каждое стихотворение «колымского» цикла – это целый рассказ о жизни человека в сложных условиях. В них есть и описание лагерного труда и быта, и северная природа, и, конечно, сам человек с его жизненной трагедией и надеждами.

В основе многих стихотворений этого периода лежит описание труда заключенных, детальное, с натуралистическими подробностями и документальной обстоятельностью. Как по традиционному русскому фольклору можно изучить весь земледельческий цикл, как в песнях рабочих можно проследить весь производственный процесс, так и «северная» лирика А.Жигулина показывает жизнь и труд заключенных во все жизненно важные моменты.

С особенностью темы взаимосвязан и лексический словарь автора. В стихотворениях используется совсем «не поэтическая» лексика, вытекающая из самой жизни: терминология трудового процесса (норма, откатчики, бурильщики, рельсы, бригадир, шахта, вагонетка, штольня и т.д.), и собственно лагерная лексика (барак, нары, чифир, БУР, вышка и т.д.). Особое значение в тюремных песнях имеют имена собственные, так как они часто начинаются с обозначения географического места (Например, «Далеко, в стране Иркутской, меж двух огромных скал...»). Имена собственные придают особый «экзотический» колорит всей песне и сообщают ей некую жизненную правду и достоверность. Стихотворения А.Жигулина «колымского» цикла так же часто начинаются с конкретизации места: «За Магаданом, за Палаткой,/ Где пахнет мохом и смолой...» (6, 95), «Раз под осень в глухой долине/ Где течет Колыма-река...» (6, 119),

«В ночную смену на Шайтане,/ Где черный камень льдом покрыт...» (6, 121) и т.п.

В «северных» стихотворениях находит свое выражение и лагерная фразеология. Автором обыгрываются выражения: «Не дешеви» – то есть не теряй неких нравственных и поведенческих норм; «костер-человек» (это словосочетание А.Жигулин вынес в заглавие целой книги, вышедшей в Воронеже в 1961 году) – то есть жизнестойкий человек (в противоположность «мороз-человек» - не крепкий, как замечает А.Солженицын); фразеологизм «Лишних пять лет живешь» А.Жигулин использует для обозначения нравственного накала жизни на Колыме:

Здесь никогда не скажут: «Подлец».
Здесь скажут,
Как в сердце нож,
Слова беспощаднее, чем свинец:
«Лишних пять лет живешь!» (6, 97)

В некоторые «колымские» стихотворения Жигулиным включаются авторские пересказы лагерного фольклора. В «Песне» это «Ванинский порт»:

И очень трогательно пели
Про славный город Магадан.
Протяжным,
Стонущим мотивом
Хотела песня подчеркнуть,
Как пароход кричал с надрывом,
В тумане выбирая путь (6, 105)

В стихотворении «Страна Лимония» обыгрывается утопическая идея о прекрасной стране, созданная заключенными со свойственным им юмором, без которого, по верному замечанию А.Солженицына, не выдержать в этом страшном месте. В фольклоре заключенных Колыму часто называют «страной» и «планетой», опять же с арестантским юмором обобщая свое жизненное пространство («Будь проклята ты, Колыма!/ Придумали ж гады планету!...» (11, 429)). Страна «Лимония» – планета, созданная по законам утопического сознания, - полностью противоположная реальному пространству. Подчеркивая народность, фольклорность утопии, автор передоверяет слова о ней «чумазому пареньку» и заключает текст в кавычки, как цитату:

«Страна Лимония – планета,
Где молоко, как воду, пьют,
Где ни тоски, ни грусти нету,
Где вечно пляшут и поют.

Там много птиц, и фруктов разных.
В густых садах – прохлада, тень.
Там каждый день бывает праздник.

Получка – тоже каждый день!..» (6, 96)

В ранней редакции это стихотворение имеет продолжение, в котором описано, как «простой советский человек» преодолел все трудности жизни, и в Сибири « зазеленел в теплице лук», а «один отъявленный мечтатель в бараке вырастил лимон» (4, 14). Уникальным образом лагерная легенда дает импульс для своего поэтического развития в духе советской идеологии построения новой жизни.

Это не единственный пример, когда в произведениях «северного» цикла Жигулин создает своеобразное сочетание несочетаемого - лагерной поэзии и советской официальной идеологии:

И забылось в работе стройной,
В лихорадке той деловой,
Заклученный ты или вольный,
Где начальство и где конвой (5, 30)

В более поздних редакциях А.Жигулин уберет подобные строки, нарушающие гармонию произведения, и разделит «колымские» стихотворения на две полярных группы: произведения о лагере и стихотворения о комсомольском труде и построении новой жизни, хотя жизненная биографическая основа у них одина.

Благодаря таланту А.Жигулина чувствовать единство собственной биографии и судьбы народа многие стихотворения «колымского» цикла стали классикой лагерной литературы. Как замечают многие критики и современники, если бы Жигулину было суждено написать только лагерные стихотворения, он уже прочно вошел бы в историю русской литературы и культуры.

В лагерной культуре XX века фигура Анатолия Жигулина стала практически легендарной, уже поэтизируется и образ самого автора. В «Обломках «Черных камней» автор приводит «Современную лагерную легенду, рассказанную мне освободившимся лагерником»:

«Сидят двое зеков, чифирят. Один другому говорит:

- А я вчера поэта Анатолия Жигулина по телевизору видел.

- Не может быть!

- Почему?

- Потому что он сидит! <...> Может, на время и выпускали, но сейчас он сидит на Д-2 на Колыме в БУРе. <...> Весь седой, - говорят, - сидит и пишет.

Рассказано Олегом Сулем, 19-Х-1997» (2, 547-548).

Можно утверждать, что произведения А.Жигулина, посвященные лагерной теме, связаны с народной культурой самым тесным образом, и особенно с песенной культурой. В лице Жигулина целое поколение нашло достойное выражение своей судьбы, так, что Е.Евтушенко мог сказать: «Если бы я был скульптором, именно с него я бы слепил НеизвестногоЛагерника» (2, 674).

Литература

1. Адоньева С., Герасимова Н. «Никто меня не пожалеет...» // Современная баллада и жестокий романс. – СПб., 1996.
2. Жигулин А. Далекий колокол. – Воронеж, 2001.
3. Жигулин А. Из разных лет, из разных далей. – М., 1986.
4. Жигулин А. Костер-человек. – Воронеж, 1961.
5. Жигулин А. Память. – Воронеж, 1964.
6. Жигулин А. Соловецкая чайка. – М., 1979.
7. Жигулин А. «Я последний поэт Колымы» // Воронежский курьер, 1999.
8. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. – М., 2000.
9. Клусон Ю. Воронежские симфонисты // Коммуна, 24.10.1976.
10. Народные песни Воронежского края. – Воронеж, 1993.
11. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ, Т.2. – М., 1991.